

**Славянские глоссы
средневековых еврейских
сочинений**

[Рец.: Bláha O., Dittmann R.,
Komárek K., Polakovič D., Uličná L.,
*Kenaanské glosy ve středověkých
hebrejských rukopisech s vazbou na
české země*, Praha: Academia, 2015.
935 c.]

**The Slavic Glosses
in Medieval Jewish Works**

[Rev. of: Bláha O., Dittmann R.,
Komárek K., Polakovič D.,
Uličná L., *Kenaanské glosy ve
středověkých hebrejských rukopisech
s vazbou na české země*, Praha:
Academia, 2015. 935 pp.]

Анатолий Алексеевич Алексеев

С.-Петербургский государственный
университет
С.-Петербург, Россия

Anatoly A. Alexeev

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Резюме

Настоящая рецензия посвящена книге О. Блахи, Р. Дитмана, К. Комарека, Д. Полаковича и Л. Уличны «Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země», в которой исследован весь корпус славянских глосс в еврейских сочинениях XII–XIV вв.

Ключевые слова

комментарий, талмуд, махзор, глосса, евреи, Центральная и Восточная Европа

Abstract

This paper reviews the book “Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země” by O. Bláha, R. Dittmann, K. Komárek, D. Polakovič, and L. Uličná, which examines the entire corpus of Slavic glosses in Jewish writings of the 12th to 14th centuries.

Цитирование: Алексеев А. А. Славянские глоссы средневековых еврейских сочинений // Slověne. 2019. Vol. 8, № 2. С. 412–418.

Citation: Alexeev A. A. (2019) The Slavic Glosses in Medieval Jewish Works. *Slověne*, Vol. 8, № 2, p. 412–418. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.14

Keywords

Jewish Bible commentaries, Talmud, Machzor, Slavic glosses, Central and Eastern Europe

После распада Римской империи и вторжения в Палестину мусульман значительные группы евреев переместились в южную Италию, на Балканы и в Константинополь, другие вслед за волной завоевателей дошли до испанской Кордовы. Сельскохозяйственных угодий в их распоряжении не было или было мало, так что им суждена была жизнь городских жителей и торговцев. Такое распределение социально-экономических функций, определяемое в рецензируемой книге как «христианско-еврейский симбиоз» (с. 36), стало разрушаться при организации первого крестового похода (1096 г.), когда в рейнских городах впервые проявила себя немецкая городская масса. По роду занятий евреям необходимо было знание местного языка, на основе которого складывался модифицированный моноэтнический «жаргон», как это называлось в старой России, или по-еврейски *la'az* «язык», в частности, *latinar* в Италии, *ladinar* в Испании, *aromancer* во Франции, *кенаан* в славянских землях, наконец, *идиш* (*jiddisch*) в Германии. Название языка *кенаан* отражает еврейское именование Ханаана. Впервые оно фиксируется, вероятно, в книге «Иосиппон», которая представляет собою переработку латинского перевода «Древностей иудейских» Иосифа Флавия и появилась на еврейском языке в начале X века в Неаполе. Книга имела актуальное значение для еврейской историографии, в ней традиционная библейская этнонимика была отождествлена с новыми географическими и этническими условиями, в которых оказались евреи в Европе. Вероятно, тогда впервые возникли названия Ашкеназ (источник термина Быт 10:3) и Сефард (источник Авд 1:20) для именованной определенных областей Европы, которые позже стали этнонимами евреев, заселивших эти места. Отождествление славян с хананеями основано на созвучии и взаимосвязи лат. *slavus* и *sclavus* «раб» и мотивировано проклятием потомкам Хама, которым предстояло быть рабами братьям своим (Быт 9:25). Жители восточной Европы, преимущественно славяне, стали предметом работорговли в IX–XI вв., главным перевалочным пунктом была Прага, скупку рабов здесь и доставку их на Средиземное море сухим путем севернее Альп осуществляли евреи. Путь к Черному морю с 914 г. был перекрыт печенегами, затем половцами, лишь с приходом Золотой Орды работорговля вновь устремилась в Крым, где живой товар принимали генуэзские корабельщики, но уже от ордынцев¹. Географически земля Ханаана тянется от Праги до Киева, на что указал в XII в. еврейский путешественник Вениамин Тудельский (цитата приведена на с. 143 и 304), но, возможно, и далее до Хазарского каганата. Потому выражение *lešon kena'an* не следует понимать как обозначение исключительно чешского языка, что характерно для рецензируемой книги. Еврейское участие в литературе восточных славян не вызывает сомнений, но оно проявилось иначе [Алексеев 2018].

¹ О работорговле как основе средневековой экономики см.: [McCormick 2001: 244–254, 733–799]. О месте Праги в торговых сношениях такого рода см.: [The Cambridge Economic History: 323, 414, 486].

Действительно, далеко не все глоссы имеют явные лингвистические признаки чешско-моравского происхождения, некоторые кажутся восточнославянскими. Эта оценка Александра Кулика [Kulík 2014] в рецензируемом труде подвергнута критике (с. 129–142), однако серьезная полемика по этому вопросу едва ли возможна, поскольку общеславянское языковое единство сохраняется до XIII в. (когда завершился последний общеславянский процесс падения редуцированных), а консолидация основных элементов литературной нормы двух больших культурно-письменных языков — чешского и русского (восточнославянского) — происходит не ранее XIV в. и, конечно, не под пером талмудистов. Уместнее было бы рассмотреть этот в большой степени фонетический вопрос в разделе об орфографии глосс (с. 212–278), но там он не затронут, хотя на с. 303–304 перечислены славянские глоссы, не зафиксированные в старых чешских источниках. Кажется более естественным, что еврей-купцы в силу своего кочевого образа жизни не могли быть однозначно связаны с тем или другим локальным славянским наречием².

В местах нового обитания евреи сохранили высшее достижение своего цивилизационного развития: субботние собрания для чтения и толкования Писания и необходимое для этого всеобщее обучение мальчиков до 12 лет чтению и письму. В Праге уже в XI в. появляется ешива (с. 39). Так поддерживалось знание «священного языка», что привело в Европе к развитию еврейской учености, плодами которой пользовалась христиане при изучении Библии [Smalley 1940]. Слова местного языка обиходного общения время от времени включались в еврейские ученые тексты, они служили тому, чтобы уточнить смысл терминов, служащих обозначением конкретных явлений. Там, где в еврейском идет речь о плодах, появляется чеш. *jaĝody*, чеш. *tuška* обозначает место у плеча и т. п. Семантико-тематическая классификация глосс (с. 310) обнаруживает, по мнению авторов, существование двух языков — еврейского для сакральной сферы, славянского — для профанной, иначе говоря, славянизмы относились преимущественно к бытовой сфере, тогда как религия, ритуал, ученость (календарь, история) не были связаны с языком бытового общения, т. е. славянским (с. 64–65). Кроме того, на протяжении книги неоднократно возникает тезис о «ханаанском языке» как предшественнике идиша, появившегося в этих местах уже в XIII в. Этот тезис приведен также в кратком изложении главных итогов работы, которые представлены в статье названных авторов [Bláha 2014]. Но, думаю, для такого понимания вопроса исследованного материала в 400 словоупотреблений все-таки недостаточно. Если у авторов, писавших в Чехии (см. ниже), число глосс доходит до 50, то в сочинениях Раши их всего 11, у Иосифа Кары — 22, так что говорить о сколько-нибудь систематическом глоссировании не приходится. Поскольку та или иная глосса появляется неоднократно, количество лексических единиц гораздо меньше, их всего около двухсот. Например, слав. *локоть* употреблено 25 раз, и его частотность обусловлена исключительно тем, что к локтю должно подвязывать филактерии (*тфилин*).

Если евреи «восточного Ханаана», т. е. Руси, прибегали к местному письменному языку по крайней мере для того, чтобы использовать славянское Пятикнижие

² Фигура талмудически образованного еврея Ицы из Чернигова не вызывает сомнений, о нем писал уже Л. Цунц [Zunz 1859: 73].

как таргум [Алексеев 1999: 182–184], то в Праге этого не видно. Не потому ли со второй половины XIII в. евреи на этой территории воспринимают идиш, который и становится со временем полноценным многофункциональным литературным языком?³ В это же время возникает первый литературный язык Европы — итальянский; возможно, что особые условия существования еврейского населения способствовали раннему осознанию задач национального развития. Однако такие черты еврейского происхождения в славянской письменности, как буквы Ш и Ч, едва ли нужно объяснять прямыми контактами славян и евреев (с. 72), тогда как особая орфография с гачеками, введенная в эпоху Яна Гуса, которую авторы также склонны объяснять влиянием еврейской среды (с. 70–71), является, на мой взгляд, плодом эпохи гуманизма, ибо отражает знакомство с масоретским рукописным текстом, где впервые употреблена огласовка — и только там принята за норму, так что по этой библейской линии она оказала влияние и на Пражскую библию 1488 г.

Обширный раздел введения посвящен истории изучения ханаанских глосс (с. 88–142). Открыл тему в 1822 г. родоначальник научной гебраистики Леопольд Цунц (1794–1886), заметный вклад в разработку внесли Авраамий Гаркави (1839–1919) и Исаак Маркон (1875–1949), оба сотрудники Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге⁴. Однако наибольшее внимание уделено научному наследию Р. О. Якобсона (1896–1982), в приложении (с. 729–816) публикуются отрывки из его рукописных трудов по этой тематике, хранящихся в Массачусетском технологическом институте. Среди его лингвистических и грамматических наблюдений за соотношением еврейских и славянских парадигм находим трагикомический документ о надзоре чешской госбезопасности за его увлечениями (с. 814–816). Якобсон не принимал во внимание восточнославянских свидетелей о еврейско-славянских контактах, которые вызвали интерес большой науки лишь после публикаций Н. А. Мещерского [Мещерский 1978], так что влияние Якобсона в какой-то мере сужает диапазон наблюдений и трактовок рецензируемого исследования.

Лингвистический аспект работы исполнен тщательно и детально. Рассмотрены словообразование, морфология и синтаксис славянских глосс, и с особым вниманием — фонология, поскольку только это делает возможным корректную интерпретацию материала. Еврейская графика, с одной стороны, крайне ограничена в своих возможностях передачи славянской фонетики, а с другой стороны, не существовало правил, обязательных для передачи тождественных случаев. Соответствующие разделы введения представляют собою ценное лингвистическое исследование. Оно завершается сопоставлением полученных результатов с

³ Славянский языковой элемент обнаруживается в идише в весьма большом объеме, что не поддерживает представления о том, что распространение этого языка на восток Европы было обусловлено массовой миграцией евреев-ашкеназов (т. е. германоязычных евреев). См. по этому вопросу соображения П. Векслера [Wexler 2002] и критические замечания М. А. Членова [2003].

⁴ Подборка работ названных и других авторов, писавших по этим вопросам, переиздана недавно в сборнике [Кенааниты 2014], который является последним, двадцать четвертым, в серии “Jews and Slavs”, основанной и успешно существовавшей в течение почти четверти века (1993–2014) благодаря самоотверженной энергии ее издателя В. Московича. Рецензируемый труд явился в известной мере ответом на выдвинутые названной серией вопросы.

тем, что известно из исторической грамматики славянских языков. Подача материала такова, что позволяет удостовериться в надежности предлагаемой интерпретации.

Главной частью объемного тома является словарь глосс (с. 357–728). Он предваряется таблицей, в которой глоссы перечислены в алфавитном порядке с указанием рукописей, в которых находятся, и существующих публикаций. Для каждого автора и каждого источника дается отдельный список глосс. На первом месте расположены два автора, которые писали в славянской среде и, возможно, сами внесли славянские вкрапления в свои сочинения. Это Исаак бен Моисей из Вены (1180–1250 гг.), автор влиятельного галахического трактата «Or zaru'a» («Посеянный свет»), и Авраам бен Азриель Богемский (XIII в.), оставивший первый комментарий на поэтические молитвы книги Махзор в своем сочинении «Aragat ha-Bosem» («Ароматный сад»). Часть этих комментариев вместе с более поздними добавлениями попала в декорированную рукопись нюрнбергского Махзора 1331 г.

Все прочие источники не связаны своим происхождением с кенаанской средой. Среди них выделяются первостепенные по значимости авторы — Раши и Иосиф Кара. На фоне 1300 старофранцузских глосс в библейских комментариях Раши десяток кенаанских единиц представляет собою ничтожную величину⁵, но весьма значимую, ибо говорит, во-первых, о географии распространения сочинений Раши и, во-вторых, о наличии читателей в славянских землях. Большая часть глосс находится не на полях — как маргиналии, но включена в текст, и это может говорить о том, что дошедшие до нас копии также созданы в славянском окружении. Представляемый в книге материал прекрасно документирован: точно указаны рукописи, весьма часто приводятся фотографии соответствующих фрагментов текста, даны орфографическое прочтение и перевод, приведены лексикографические сведения и содержательные комментарии.

Можно уверенно заключить, что славянские глоссы еврейских рукописей получили полное, исчерпывающее и высокопрофессиональное описание в этом труде. Подведен впечатляющий итог двухсотлетней научной традиции, открыт путь к типологическому изучению материала, т. е. с охватом «восточного Ханаана», и к дальнейшему анализу параллелей из других мест обитания евреев эпохи рассеяния.

Библиография

Алексеев 1999

Алексеев А. А., *Текстология славянской Библии*, С.-Петербург, 1999.

— 2018

Алексеев А. А., Еврейские источники в литературной традиции древней Руси, *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики*. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации, Москва, 2018, 7–19.

⁵ Опушена любопытная глосса у Раши, в которой название горы Сенир / Снир (Втор 3:9) отождествляется с чеш. snít (что может указывать на увулярное произношение еврейского согласного г). На с. 240 лишь глухо сообщается, что, «согласно новейшим исследованиям, это чтение не относится к числу ханаанских глосс».

Кенааниты 2014

Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире, В. Москович, М. Членов, А. Торпусман, ред. (= *Jews and Slavs*, 24), Москва, Иерусалим, 2014.

Мещерский 1978

Мещерский Н. А., Издание текста древнерусского перевода «Книги Есфирь», *Dissertationes slavicae*, XIII, 1978, 131–164.

Членов 2003

Членов М. А., [Рец.:] Wexler P., *Two-tiered Relexification in Yiddish. Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect*, Berlin; New York, 2002, *Вопросы языкознания*, 4, 2003, 132–139.

Bláha et al. 2014

Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L., On the problem of Judeo-Czech and the Canaanite Glosses of the 11th to the 13th centuries in Hebrew manuscripts, *Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире*, В. Москович, М. Членов, А. Торпусман, ред. (= *Jews and Slavs*, 24), Москва, Иерусалим, 2014, 117–151.

Kulik 2014

Kulik A., Jews and the Language of Eastern Slavs, *Jewish Quarterly Review*, 104, 2014, 105–144.

McCormick 2001

McCormick M., *Origins of the European Economy: Communications and Commerce*, A. D. 300–900, Cambridge, 2001.

Smalley 1940

Smalley B., *The Study of the Bible in the Middle Ages*, Cambridge, 1940 (3rd ed. 1983).

Wexler 2002

Wexler P., *Two-tiered Relexification in Yiddish. Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect*, Berlin; New York, 2002.

The Cambridge Economic History 1987

The Cambridge Economic History, 2nd ed., 2: *Trade and Industry in the Middle Ages*, Postan M., Miller E., eds., 1987.

Zunz 1859

Zunz L., *Die Ritus des synagogalen Gottesdienstes*, Berlin, 1859.

References

Alexeev A. A., *Evreiskie istochniki v literaturnoi traditsii drevnei Rusi, Pismennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istoriia slavistiki. XVI*, Moscow, 2018, 7–19.

Alexeev A. A., *Tekstologija slavianskoj Biblii*, St. Petersburg, 1999.

Bláha O., Dittmann R., Komárek K., Polakovič D., Uličná L., On the problem of Judeo-Czech and the Canaanite Glosses of the 11th to the 13th centuries in Hebrew manuscripts, *Kenaanity: Evrei v srednevekovom slavianskom mire*, V. Moskovich, M. Chlenov, A. Torpusman, eds. (= *Jews and Slavs*, 24), Moscow, Jerusalem, 2014, 117–151.

Chlenov M. A., [rev. of:] Wexler P., *Two-tiered Relexification in Yiddish, Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect*, Berlin; New York, 2002, *Voprosy Jazykoznanija*, 4, 2003, 132–139.

Kulik A., Jews and the Language of Eastern Slavs, *Jewish Quarterly Review*, 104, 2014, 105–144.

McCormick M., *Origins of the European Economy: Communications and Commerce*, A.D. 300–900, Cambridge, 2001.

Meshchersky N. A., *Izdanie teksta drevneruskogo perevoda "Knigi Esfir", Dissertationes slavicae*, XIII, 1978, 131–164.

Moskovich V., Chlenov M., Torpusman A., eds., *Kenaanity: Evrei v srednevekovom slavianskom mire*, (= *Jews and Slavs*, 24), Moscow, Jerusalem, 2014.

Postan M., Miller E., eds., *The Cambridge Economic History*, 2nd ed., 2: *Trade and Industry in the Middle Ages*, 1987.

Smalley B., *The Study of the Bible in the Middle Ages*, Cambridge, 1940 (3rd ed. 1983).

Wexler P., *Two-tiered Relexification in Yiddish. Jews, Sorbs, Khazars, and the Kiev-Polessian Dialect*, Berlin; New York, 2002.

Анатолий Алексеевич Алексеев, доктор филологических наук,
профессор кафедры библеистики
С.-Петербургского государственного университета
199034 С.-Петербург, Университетская наб., 7-9-11
Россия / Russia
alexeev.anatoly@gmail.com

Received June 10, 2019